
Конец июля выдался дождливым,
вверху – туман, и лужицы – внизу.
В метро узбечки продавали сливы,
и базилик, и нежную кинзу.

И срезанной травой пах ветер хлёсткий,
а там, где скошена была трава,
стояли тонкокостные подростки
и целовались, как гусёнка два.

Укрой меня, пожалуйста, укрой же,
дай мне заснуть, согреться в тишине
под крепкою под каменною кровлей,
и за руку держать тебя во сне

в дождливом лете, в сумрачном июле,
где человеки в призрачном дыму
так сонно бродят, души распахнули,
так тянутся незнаемо к кому.

Такое лето.
Я выхожу из дома –
Искать чернику, спрятанную в траве.
Как пахнут сосны – как горячо, знакомо,
Как пахнет детство – хвоей пропахший свет.

Такое лето.
Яблоко наливное.
Песок на пальцах – шершавый.
Я выхожу.
Мне обещали: нет впереди покоя,
но ползает по траве золотистый жук.

И я – как огромный медведь, что бродил по свету,
И бок разодрал о камни, и сердце своё потерял, –
склоняюсь к траве над черникой,
обняв планету
и становлюсь благодатный материал,

чтоб прорасти – невиданными цветами,
белыми, мелкими,
с капелькой крови внутри.
Сосны, качаясь, танцуют извечный танец,
Солнце горит на смоле.
Как в детстве, горит.

Когда туман сползает с гор,
когда
в болотах стынет чёрная вода
и мох цветёт в серебряных камнях, –

иди вперёд, не помни ни стыда,
ни страха. Тает горная гряда,
ручьи звенят.

И птицы ближе подлетают, их
запомни звонкий незнакомый крик,
и это тоже всё запоминай:
черника проступает среди мха,
и высота прозрачна и тиха,
и виден край земли и неба край.

Вот здесь и будь, на краешке земли.
Кто были раньше, те уже ушли,
ни прошлого, ни будущего нет.
А есть нездешний серебристый свет,
ни днём, ни ночью не гасимый свет.

Вот им и стань, вот им теперь и будь.
И путь ведет как надо, ибо путь –
единственное в мире, что в цене
окажется, когда ты встанешь пред
огромным небом, и небесный свет
тебя, как есть ты, отразит вовне.

Смотри, так просто: больше нет вины,
и страха, и четвёртой нет стены,
так выходи же дальше, на простор,
где серебристый ягель, словно снег,
хрустит, и сквозь туманы, как во сне,
ущелье проступает среди гор.

Ну вот и ещё одно лето растаяло на языке,
Растеклось мороженым по подбородку и по щекам,
И у подъезда старушка, одуванчик в её руке
Отпускает свои семена туда, где не видно нам.

И нас стало меньше. Однако во дворе тополя –
Устремлённые, как ракеты, в звёздную высь.
И девочка с расцарапанными ногами,
и глинистая земля,
И козырёк подъезда выдаётся, как мыс.

И нас станет меньше, нас не станет совсем,
Но это неважно. Лето течёт по щекам, не попадает в рот.
Солдатик идёт домой, он с войны
возвращается в семь,
И мама его обнимет
и старого мишку найдет.

И заснёт солдатик с мишкой под головой,
И мы заснём среди лета,
янтарное ложе станет кровать.
Девчонка во дворе считает: первый, второй,
Выходи играть.